

АРИНА ОСТРОМИНА

ЭЙНА
ИЗ ТРЕТЬЕЙ
ЗОНЫ

ТРАВА НА АСФАЛЬТЕ

Обложка. Юность. Антиутопия

Глава 1

Обычный зимний вечер

Вечернюю прогулку сократили из-за погоды. Наставница Фламия вывела нас во двор позже, чем обычно, — после дождя. Малышка Сара присела на мокрые качели, но под ногами у неё оказалась глубокая лужа — раскататься не удалось. Свистел холодный ветер; воспитанницы переступали с ноги на ногу, дышали на озябшие пальцы. Перчаток никто не носил. Да многие и слова такого не знали: читать умела только я, а увидеть настоящие перчатки в нашем городе было негде. Наставница Фламия громко высморкалась и велела девочкам вернуться в дом.

Я обрадовалась: не люблю гулять зимой, потом надо отогреться у батареи, чтобы пальцы на руках начали двигаться, да только желающих посидеть в тепле всегда больше, чем мест на скамейке. Валита и Думара, дальние родственницы Наставницы Фламии, грубо расталкивали мелюзгу вроде нас с Сарой. Иногда удавалось погреть пальцы под краном в туалете, но тёплая вода текла редко, а холодная плохо помогала.

Сразу после прогулки полагалось идти в общий зал и слушать вечернюю речь Наставницы Фламии. Мы давно знали наизусть всё, что она скажет. Сначала предложит почтить минутой молчания память Отца-основателя, потом будет говорить о его подвиге. Как мы все должны преклоняться перед его самоотверженностью.

Ведь если бы не он, мы бы сейчас не сидели в этом прочном и надёжном здании, не имели бы работы, куска хлеба, пары ботинок и так далее. Да и вообще уже давно погибли бы в диких отравленных землях. А то и вообще не родились бы. Под конец Наставница Фламия перешла к описанию нашей роли: от усердия и трудолюбия каждой из нас зависят судьбы мира. Каждый работник важен для своего цеха, каждый цех важен для своего завода, каждый завод — для отрасли, а она — для благоденствия всего нашего государства.

Малышам было легче: их ненадолго собирали здесь перед ужином и слова выбирали попроще. Объясняли, какое светлое будущее их ждёт, как о них тут будут заботиться и как они потом оплатят государству добром — начнут работать на фабрике. А чтобы дети не скучали во время речи, им пели песни и устраивали подвижные игры.

Следующие две группы, младшая и средняя, слушали Наставницу Фламию вместе, и продолжалось это целый час. Считается, что в этом возрасте — с семи до тринадцати лет — девочки должны как следует проникнуться духом нашего великого государства, изучить его устройство, осознать своё место в мире. А место у нас простое и очень определённое. Ещё в приюте мы начинаем работать на фабрике, а в семнадцать лет переселяемся в фабричное общежитие и работаем уже полный день, а не укороченную смену, как в детстве.

С тринадцати до семнадцати лет, в старшей группе, речь наставницы ужималась до получаса, как для малышей. Потому что мы и так уже всё знаем, и нам надо только напоминать главные правила жизни в обществе, чтобы мы их не забывали. Я думаю, Наставница Фламия и сама устаёт твердить одно и то же по два часа в день. Сначала малышам, потом другим двум группам,

а потом ещё и нам. Поэтому она иногда включает нам вещательное устройство — в это время как раз передают вечерние новости из Первой зоны, так мы приобщаемся к жизни государства. Там обычно рассказывают, как идут дела у учёных во Второй зоне, у рабочих в Третьей — в нашей, у аграриев в Четвёртой и у шахтёров в Пятой. У всех сплошные успехи, все постоянно разрабатывают новые проекты, производят отличную продукцию, добывают качественную руду и выращивают огромные урожаи.

Вот только не очень верится. Как работает наша фабрика, я наблюдаю уже несколько лет. Нет, там ничего плохого не происходит. Но и особых достижений тоже не видно. Есть план, мы его выполняем. И это даже не очень тяжело. Если мастера пытаются увеличить план, чтобы получить похвалу начальства, работники начинают спешить, портят детали, часть продукции идёт в брак, и результаты становятся только хуже. Поэтому все стараются работать размеренно, неторопливо, без лишнего рвения. Я думаю, что и в других зонах всё примерно так же: работа идёт своим чередом, а правительство говорит об успехах. Наверное, считается, что это делает людей счастливее. Что им приятно ощущать себя частью великого государства.

И всё-таки многим воспитанницам нравилось спокойно посидеть полчаса в уютном натопленном зале, на стульях с высокими спинками. Изображать внимание, а на самом деле мечтать о чём-нибудь или даже дремать, если сесть в задние ряды. Поэтому сегодня вечером девочки смотрели на меня с сочувствием, ведь мне запретили слушать наставление. Днём было моё дежурство в спальне, а меня задержали на фабрике, и я опоздала. Поэтому не успела расправить подушки и одеяла на кроватях до вечерней проверки. За это меня и наказали.

классах мне уже понадобилась помощь посерьёзнее: днём я не успевала сделать уроки из-за работы в мастерской и на фабрике, поэтому приходилось заниматься по ночам. Но я со всем справилась. Мне уже исполнилось шестнадцать, через несколько месяцев я сдам выпускные экзамены и получу аттестат зрелости.

Пока я думала о Марте, погода совсем испортилась. Дождь бился о стекло, будто хотел его проломить, а я улыбалась: редко мне выпадала возможность побыть одной. Подрагивающий свет лампочки, порывы ветра за окном, резкий запах мокрых курток, брошенных на спинки кроватей, — и вокруг никого! Но счастье долгим не бывает. Дверь распахнулась, и я услышала грубый голос Валиты:

— Эй ты, лентяйка!

Я бесшумно заползла поглубже под одеяло и затаилась. Валита постояла у двери, пытаясь привыкнуть к полумраку спальни после ярко освещённого зала. Потом сказала, уже не так сердито:

— Наставница Фламия тебя простила! Иди к остальным.

«Хорошо, что она меня не видит», — малодушно подумала я. Хоть бы меня оставили в покое ещё ненадолго! Но Валита направилась прямо к моей кровати, и прятаться дальше было бы глупо. Я высунула голову и пробурчала:

— Никуда я не пойду.

— Как это не пойдёшь? — удивилась Валита. Молча стащила с меня одеяло, а я от неожиданности взмахнула руками и случайно толкнула Валиту.

Как же она разозлилась! Схватила меня за плечи и поволокла на второй этаж, в общий зал. Я не сопротивлялась: Валита была в полтора раза крупнее меня. Наставница Фламия, увидев меня в руках своей любимицы, нахмурилась.

— Валита, что случилось?

— Она меня ударила!

Я попыталась объяснить, как всё было, но Наставница Фламия не стала слушать.

— Немедленно в изолятор!

Валита, Думара и ещё пара крупных воспитанниц окружили меня, крепко взяли за локти и повели вниз, к гардеробу, а за ним — по узкой лестнице дальше, в полуподвал. Длинный коридор без окон освещался редкими лампочками, с обеих сторон мелькали бесконечные кладовые с небрежными надписями белой краской: простыни, одеяла, подушки, куртки... В конце коридора несколько ступенек вели в технический подвал. В углу, за водяными баками и мерно гудящим насосом, небольшая дверь скрывала крохотную холодную комнатку без окон. Снаружи она закрывалась на засов, изнутри её было не открыть.

Глава 2

Фальшивое письмо

Из всех наказаний, которые Наставница Фламия применяла к воспитанницам, изолятор был самым неприятным. Там приходилось стоять в полной темноте положенное время, обычно несколько часов. Все боятся туда попасть: тело устаёт, на следующий день мышцы болят, тяжело работать за конвейером на фабрике. Сесть в изоляторе не на что, пол холодный, стены тоже, к ним не прислонишься. На корточках — ноги затекают.

Я здесь и раньше бывала, но со временем воспоминания вытеснялись, смягчались, и каждый раз я воспринимала всё как впервые. Сначала я попробовала открывать и закрывать глаза — никакой разницы.

Глава 3

Коварный обман

Выспаться после изолятора, конечно, не удалось. Зато завтрак в тот день был горячий — не всегда нам так везёт! У нашего повара сложный график, к нам в приют он приходит в разное время. Работы тут немного: вскипятить воду в нескольких больших баках, бросить туда брикеты. Из зерновых брикетов получается каша, из витаминных — горячий утренний напиток. Поэтому каждый повар успевает обслуживать несколько учреждений, а в каком порядке их чередовать, решает его начальство. Иногда повар приходит к нам в пять часов, и тогда всё остывает до нашего подъёма. Иногда в шесть, как сегодня. Люблю такие дни!

Над баком с кашей поднимался ароматный белый пар. Да ещё и мой любимый из всех витаминных напитков дали: тёмно-красный, с кисло-сладким вкусом. Это меня взбодрило, и я весело побежала в школу. Девчонки после завтрака вернулись в спальню — кто идёт на фабрику в утреннюю смену, у тех ещё полчаса до выхода. А кто в дневную, у тех сейчас по расписанию швейная мастерская.

Небо над городом, как всегда, казалось низким и тяжёлым. Не знаю, как в других зонах — часто ли там бывает чистое небо, — но в нашей, промышленной, по утрам его не увидишь. У всех фабрик и заводов такой график, что в конце каждой смены они выбрасывают в атмосферу всё, что накопилось за восемь часов работы. Нам объясняли, что властям так удобнее контролировать уровень загрязнения воздуха. Может, и удобнее. Но каждое утро я наблюдала одну и ту же картину: тёмные клубы дыма над крышами домов, как будто всё небо

в тучах. К полудню дым развеивался, небо становилось голубым. Порой даже солнце выглядывало. Но я в это время ещё сидела на уроках.

Над школьным крыльцом висели большие круглые часы. Старинные — теперь таких не делают. Со стрелками. Помню, как долго я училась определять по ним время. Обычно всё просто: две цифры — часы, две цифры — минуты. Ноль семь и тридцать пять. А тут надо было хитро высчитывать. Я только к концу первого класса научилась — мне тогда уже девять лет исполнилось.

Я посмотрела на стрелки. Почти полчаса до первого урока. Это хорошо, можно ещё раз повторить ботанику. Я уже поставила ногу на ступеньку, когда открылась дверь и на крыльцо вышел Большой Туган. Это кличка такая, все уже давно забыли, как его на самом деле зовут. Высокий и толстый, вечно цепляется ко мне: как увидит, сразу пытается толкнуть, да посильнее — так, чтобы я упала. А если увернусь, догонит и больно стукнет по затылку. Жаловаться бесполезно: его отец — большой начальник на механическом заводе, элита. Наши школьные дарители знаний пикнуть перед ним боятся.

Я тяжело вздохнула и остановилась у крыльца. Лучше не подниматься, а то падать с лестницы будет больнее. Лучше уж тут подождать. Большой Туган не понял мою хитрость, радостно спустился по ступенькам и сделал именно то, чего я ждала: изо всех сил толкнул меня. Но не зря же я каждый день разминку делала! Я ловко сгруппировалась, приземлилась на обе руки и смягчила удар. Зато учебники красиво разлетелись во все стороны — так и было задумано! А тупица Большой Туган ничего не заметил. Гнусно ухмыльнулся и стал смотреть, как я собираю книги. Решил, что напугал меня. А мне было смешно, но я не подавала виду, потому что, пока

я сослалась на приютские правила поведения. Нам не полагалось общаться с посторонними, тем более с мальчиками. Честно говоря, охранители не обращали внимания на такие мелкие нарушения. Но ведь Большой Туган этого не знал. Я уверенно сказала:

— Мне нельзя, это не по правилам. Я не могу с тобой по улице идти.

Ему это показалось неубедительным, он мне не поверил:

— Как это? Не бывает таких правил, чтобы одноклассники по улице вместе не ходили!

Наивный! Привык в своей благополучной жизни, что люди могут делать всё, что захотят. Я терпеливо объяснила:

— У нас в правилах вот что сказано: «Воспитанницы имеют право ходить по улице только с другими воспитанницами или с наставницами».

— А ты что, наизусть все правила помнишь?

— Конечно! Мы же их с первого дня заучиваем. И каждый вечер повторяем перед сном.

— Ну, ты это... скажешь в случае чего, что в школьных правилах разрешается с одноклассниками ходить!

— Не выйдет. Я в приюте живу, значит, приютские правила главнее.

Большой Туган задумался — впервые в жизни, может быть. И проговорился:

— А как же мне тогда посмотреть на воспитанниц?

Я с трудом сдержала улыбку, изобразила удивление и спросила:

— Зачем тебе на них смотреть? Там все, как я, — в таких же робах. Одинаковые.

Он замялся. Потом понял, что всё равно уже выдал себя, и решил сказать правду.

— Мне какая-то девчонка записку написала.

— Что за записка?

— Ну, что я прекрасный незнакомец и всё такое. Заметила меня перед школой. Я ей понравился.

— А с чего ты взял, что она из приюта? У нас же там никто не умеет писать. Кроме меня.

Большой Туган так посмотрел на меня, будто впервые увидел, и спросил:

— Но ведь это не ты писала?

— Нет, конечно! — Я засмеялась. — Какой же ты незнакомец, мы с тобой уже восьмой год в одном классе учимся.

— А кто же тогда?

— Откуда мне знать! Может, та девочка попросила кого-то. В приюте — некого. Значит, на фабрике. Другие работницы учились в школе, они могли ей помочь письмо написать.

Мы помолчали. Потом Большой Туган снова спросил:

— Так как же мне на ваших девчонок посмотреть?

Я нахмурилась: пусть думает, что задача неразрешимая, шансов нет! А сама исподтишка наблюдала, как на широком плоском лице Большого Тугана появилось какое-то новое выражение, похожее на грусть. Мне даже жалко его стало. Поэтому я сказала:

— У нас дневная прогулка с семнадцати часов. Если дождя нет. Забор наш видел? Помнишь?

— Не-а, не помню, — смущённо ответил Большой Туган.

— Там снизу кирпичная стена, примерно метр высотой. А над ней решётка металлическая, ещё примерно метр. Через решётку двор видно. Если медленно идти, то можно всех воспитанниц рассмотреть.

Пока Большой Туган пытался представить, как это выглядит, я добавила:

Первые два года после поступления оказались самыми тяжёлыми. После обеда начинался фабричный курс — нас готовили к будущей работе. Рассказывали, как устроено производство, что мы будем делать после перехода в среднюю группу. Сразу после этого я читала учебники, потом полдник, потом дневная прогулка. И когда мы наконец оказывались в швейной мастерской — замёрзшие, с озябшими руками, — я должна была выполнить двойную норму. Хоть мне и отменили утренние часы шитья, Наставница Фламия велела не давать мне поблажек. Поэтому от меня требовали таких же результатов, как от других девочек. Я очень старалась. Помню вечно исколотые пальцы, мозоли на руках от тяжёлых портновских ножниц. А самое неприятное — мне всё время хотелось спать. Иногда я засыпала прямо в швейной мастерской, поставив локти на стол и подперев лоб ладонями. Тогда моя соседка чуть сдвигала стул, чтобы заслонить меня от наставницы, а потом толкала в бок, когда та начинала ходить по рядам и проверять, как идёт работа.

Следующие три года я была в средней группе; мы уже начали работать на фабрике, и стало чуть полегче. По просьбе директора школы мне снова отменили утреннюю прогулку и утреннее шитьё, но теперь я не так сильно уставала. С этого года мы уже ходили работать на фабрику, поэтому наши нормы шитья уменьшились. Комитет защиты детства тщательно следил за соблюдением возрастных ограничений: детям с десяти до тринадцати лет разрешалось работать не больше шести часов в день. После четырёх часов на фабрике у нас оставалось ещё два часа для шитья. Как и в прошлом году, я должна была сделать норму всего за час — но раньше мне нужно было уложить в этот час то, что дру-

гие девочки сшили за три часа, а сейчас — только за два. А это мне удавалось легко, я уже привыкла шить быстро.

И ещё я не могла брать утренние смены, потому что ходила в школу как раз в это время. Но в средней группе нашей наставницей назначили пожилую добродушную Азалию — она сама составляла расписание для всей группы и всегда давала мне дневные смены. Все те три года моё расписание не менялось, мне не приходилось никого ни о чём просить, и я легко продержалась до конца пятого класса.

Зато в последние три года, когда я перешла в старшую группу, мне стало и легче, и труднее одновременно. Я выросла, стала злой и хитрой — теперь я была готова добиваться своего любой ценой. А вот с наставницей не повезло. Раньше я редко сталкивалась с Фламмией, начальницей нашего приюта. От неё зависели только поправки в моём расписании, да и то она не могла мне ничем навредить, потому что из школы всегда приходили официальные письма. А теперь я попала в её группу.

Это случилось весной. День рождения у меня в январе, а перевод в новую группу у нас бывает два раза в год, весной и осенью. Все, кому исполнилось тринадцать лет с начала октября до конца марта, с первого апреля попадают в старшую группу. В первый же учебный день после моего перевода Наставница Фламмиа заявила:

— Письмо из школы касалось расписания средней группы. А ты теперь в старшей. У нас тут другое расписание. Насчёт него мне никто не писал. Не рассчитывай, что у тебя здесь будет особое положение. Иди в мастерскую.

После шитья и прогулки, на которую она заставила меня пойти вместе с группой, уроки уже закончились, но я всё равно побежала в школу. Наш директор, Даритель Кириан, ещё не ушёл. Я ему всё рассказала: теперь

Но налюбоваться новым нарядом я не успела, Армина указала мне на часы.

— Переоденься, тебе пора! А я пока перешью платье.

Я и забыла, что оно пока только на булавках держится! Осторожно, чтобы ничего не испортить, я вылезла из нежных голубых складок, сняла туфли и побежала в приют. Грубый комбинезон и тяжёлые ботинки теперь казались нелепыми — тело ещё помнило прикосновения тонкой ткани и мягкой искусственной кожи. Я бежала и улыбалась: верила, что у меня всё получится.

Глава 23

Кто это в зеркале?

Когда я пришла в следующий раз, Армина объявила, что научит меня мыть волосы. Пока я растерянно молчала, она пояснила:

— У тебя волосы так плохо выглядят, потому что ты неправильно их моешь. Расскажи, как ты это делаешь?

— Ну... Как все. Беру тазик с водой, опускаю туда голову. Потом натираю мыльным порошком. Потом опять в тазик опускаю.

— И всё?

— Почти. Ещё чистой водой потом прополаскиваю, в том же тазике.

— Ясно. Вот почему они такие. Сейчас мы всё исправим. Поехали в ванную.

Ванная у них в квартире была больше, чем у других. Правда, я бывала только у тётушки Марты — у неё такая же квартира, как была у нас с родителями. В ванной помещаются только душ, унитаз и раковина, и между ними совсем мало места. А у Армины в середине ванной

комнаты можно было легко развернуться в инвалидном кресле. Она сама туда въезжала, моя помощь ей требовалась, только если она совсем плохо себя чувствовала, а такое случалось редко.

В душевом поддоне стоял стул — Армина садилась на него, когда мылась. Сейчас мы поставили на стул таз, наполнили тёплой водой, и Армина высыпала горсть мыльного порошка прямо в воду. Я удивилась. В приюте мы набирали в руку немного воды, чтобы порошок размок, и этой кашницей натирали голову. Армина взяла с полки мягкий кубик, опустила его в воду и стала сжимать и разжимать. Вокруг кубика вспухли белые пузыри пены.

— Что это?

— Губка. Смотри, как мыло вспенивается.

— А зачем так делать?

— Пена лучше отмывает волосы. Давай наклонись, я тебе помогу.

Я встала на колени перед тазом и закрыла глаза: нельзя, чтобы в них попала мыльная вода, — это очень больно. Пока Армина покрывала мою голову пеной, я почти ничего не чувствовала, только слышала тихое потрескивание — это лопались пузырьки пены. Потом Армина начала втирать пену в волосы, и мне на минутку показалось, что я снова маленькая и мама моет мне голову. Я никогда не вспоминала об этом, и только сейчас поняла, что в детстве всё было точно так же. Я залезала в душевой поддон, мама наливала в таз тёплую воду и что-то делала с моими волосами, а я просто стояла, наклонившись, крепко зажмурившись, и ни о чём не думала.

Мои воспоминания прервал голос Армины:

— Открой глаза. Не бойся, они сухие, мыло не попадёт. Смени воду в тазике.

— Сказали, что он скоро вернётся! Он велел тебе его дожидаться.

Увидев, что я плюхнулась на скамейку перед кабинетом директора, Альвин попрощался со мной и ушёл.

Не знаю, сколько времени прошло, но Даритель Кириан всё не появлялся. Я встала, подошла к Залу. Но там уже никого не было. Наверное, спустились в другом конце коридора. Потом в вестибюле хлопнула дверь, я вскочила и сделала несколько шагов к лестнице. По ней кто-то быстро бежал — вряд ли это мог быть директор. И вскоре я увидела Сармата. Он схватил меня за руку и потащил к выходу:

— Быстрее! Ты уже опаздываешь!

— Что? Куда ты меня тащишь? А как же директор?

— Потом объясню, бежим!

Хорошо, что я подробно рассказывала Сармату, что буду делать в день экзамена. Мы бежали прямо к дому Армины, но не по улице, а какими-то дворами и переулками. Сармат хотел срезать путь, чтобы выиграть время. Разговаривать на бегу мы не могли, но я и сама уже начала обо всём догадываться. Сармат только крикнул:

— Успеешь, если постараемся!

Когда мы ввалились в квартиру Армины, оба тяжело дышали и не могли говорить. Армина была дома одна: другая сиделка не смогла меня подменить, и Никос решил мне пропустить моё дежурство при условии, что в перерыве между экзаменами я приду и приготовлю обед. Армина выехала в коридор на своём кресле. Она побледнела, схватилась за сердце и спросила:

— Эйна, где ты была? Что случилось? Кто это?

— Это мой друг, Сармат. Он сейчас всё расскажет.